

Берт Гуртуев

**МОЯ
ПЕСНЯ**

стихи и поэма

Перевод с балкарского

Москва
«Советская Россия»
1987

Художник П. Никипорец

Гуртуев Б. И.

Г95 Моя песня: Стихи и поэма: Пер.
с балк.— М.: Сов. Россия, 1987.—80 с.

Автор сборника — основоположник современной балкарской поэзии, делегат I съезда писателей. По его стихам можно проследить путь человека, пройденный им вместе со всей страной в годы первых пятилеток, сквозь горнило Великой Отечественной войны и время мирного строительства.

Поэт эмоционально и проникновенно раскрывает читателю внутренний мир своих земляков, наших современников. Его стихи гражданственны, по-мужски сдержанны, глубоко лиричны:

Г $\frac{4702100000-265}{M-105(03)87}$ 202—87

С(кав)2

© Издательство «Советская Россия»,
состав, 1987 г.

СТИХИ

РОДНОЙ ЯЗЫК

Был сначала колыбельной
Для меня язык родной.
Был ты просто картой белой,
Несткрытою страной.

Песней материнской стал ты,
Первых звуков мой родник.
Выводил меня на старты
В жизнь и творчество язык.

В детстве доброй был ты сказкой,
Мой исток и мой причал:
Я по азбуке балкарской
Сложность мира изучал.

Мед устам, настой целебный
Сердцу в дни великих бед,
Все прошел и уцелел ты,
Юн, как свет, как горы, сед.

Стар, как мир, широк, как море...
В море этом, знаю, я —

И при счастье, и при горе —
Рыба малая твоя.

Для врагов — тревогой трубной,
Для друзей звучишь зурной,
Самый легкий, самый трудный,
Самый близкий и родной.

НЕДОПИСАННЫЙ СТИХ

Была атака.
Бил, не утихая,
Горячий, дымный ветер боя в грудь.
И я стихи прервал,
Как смерть — дыханье.
Прервал, чтоб дописать когда-нибудь.

Навстречу нам
Несли свинец и пламя,
Визжали танки, подминая нас,
Шли бомбовозы-хищники над нами,
С людей-мишеней
Не спуская глаз.

Но помню:
Свиста бомб почти не слыша,
Стреляли мы — и, струсив, враг бежал,
И уносили в тучи — выше, выше —
Чужие птицы
Сталь смертельных жал.

Перед глазами
Расплылись кругами
Трава и солнце бледнее вдали.
Я слышал дрожь земли под сапогами —
Горелой,
Искореженной земли.

...Была атака.
Бил, не утихая,
Горячий, дымный ветер боя в грудь.
И я стихи прервал,
Как смерть — дыхание.
Прервал,
Но допущу когда-нибудь!

* * *

Мы целый день врага крушили,
Под вечер выбив из села...
Простая женщина в кувшине
Воды российской принесла.

И под ее горячим взглядом
Я вспомнил горное село...
А ей казалось, будто рядом
Стою не я, а сын ее...

Ушел давно... Его дорога,
Как и моя, равна войне.
Отозвалась ее тревога
Тревогой боевой во мне.

ПОБЕДА

«К победе! За правое дело!»—
Кричали мы в грозных боях.
И знамя над нами летело —
Простреленный пулями стяг.

И небо далекое плыло
В лучах этих яростных слов.
И столько за родину было
Положено светлых голов...

Мы мир от зверей отстояли,
Спасли мы отчизну свою,
И звезды над ней засияли
Победы, добытой в бою.

Вчера и Сегодня и Завтра
Пусть лучшее в жизни сольют.
Гремите, победные залпы!
Расцвечивай небо, салют!

Да здравствуют те, что не сдали
Ни пяди родимой земли,
Что страха в сраженьях не знали
И гордо по жизни прошли.

И сердце опять полетело
Туда, где, тверды до конца,
«К победе! За правое дело!» —
Выстукивали сердца.

И памяти грозной внимая
В свободном навеки краю,
Всплывает Девятое Мая,
Как памятник павшим в бою.

ПОДАРКИ

Соцурившись в молодость, вижу
Военной зимы снегопад.
Из прошлой метели все ближе
Подходит знакомый солдат.

Поземка висит маскхалатом,
И в спину мешок ему врос...
Он почту разносит солдатам,
Живой полковой Дед Мороз.

Но здесь не хлопушки—снаряды,
И пули, а не конфетти.
Его ждут в окопах солдаты,
И, значит, он должен пойти.

Смерть рядом... С таким провожатым
Не стоит в дороге шутить...
Но должен своим адресатам
Почтарь все подарки вручить.

Вглядевшись в минувшее, вижу,
Как шагом, бегом и ползком,
Все ближе к окопам, все ближе
Солдат тот с заветным мешком.

Чтоб детством порадовать взрослых,
Он жизнью своей рисковал...
Ни разу — ни раньше, ни после —
Вот так я подарков не ждал.

Средь хаоса, снега и грома,
Над скромной посылкой склоняясь,
Тепло доверенного дома
Почувствовал каждый из нас.

И взрослые рады, как дети,
Вдохнув мимолетный уют,
И прямо — упрямо! — к псебде
Опять из окопов встают.

В ответ мы, таков уж порядок,
Дарящим дары свои шлем —
Нелегкий солдатский подарок:
За городом город берем.

И если на кратком привале
Махру мне предложит сосед,

Я знаю, соседу прислали
В подарок сегодня кисет.

Дороже редчайшего клада —
Да просто цены ему нет! —
Нехитрая радость солдата,
Всеной расцветки кисет.

...Давно отгремели атаки.
И в памяти, и во сне...
Но вот фронтовые подарки
Все снятся по-прежнему мне.

СОН

Я видел сон. Земля — в весеннем цвете,
Пылает от цветенья золотого.
Зарыто в землю все оружие смерти,
И ненависть оставлена без крова.

Простор вокруг широкий, безоглядный —
Раздвинуты земные перекрестки.
Блестают росы по траве прохладной
Под разговор неспешный стариковский.

Ни дыма, ни огня — светла планета,
И вишня возле окон забелела.
Лишь я дымок косою заметил где-то
Из трубки мира, что всспел Лонгфелло.

ПОД ЦВЕТУЩИМИ КАШТАНАМИ

Как молоды под ранним солнцем горы!
Вершины отливают серебром.
Я выхожу чуть свет: сверкает город —
И мысли отзываются добром.

Иду по чистой улице. Деревья
Протягивают ветви: «Здравствуй, друг!»—
Мир полон счастья, радости, доверья.
И росы улыбаются вокруг.

Каштаны зацвели. Зеленым строем
Стоят вдоль улиц, льют жемчужный свет.
Их аромат, как молоко парное.
И внятна мне их речь: «Испей, сосед!»

Бодрит прохлада. Грудь свободно дышит.
Мне дарит Пальчик южное тепло.
Пусть мой привет сегодня все услышат:
Предгорья, горы, дальнейе село...

Пусть землякам в больших делах и малых
Везет! Пускай им дышится легко,
Когда каштаны в розовых бокалах
Подносят им парное молоко.

Простор уму, и духу — ликование,
Когда восходит майский день сиять
Соцветьями,— и счастье созиданья
Легко возводит быт до бытия.

День отгорит — в мечтах, в трудах, в беседах—
И вновь мой путь среди знакомых мест,
И вновь каштаны — мирные соседи
Кивают мне приветливо окрест.

Лежится синий вечер на округу —
Каштаны, осеняя дом и двор,
Свечей не гасят — и легко по кругу
Течет друзей сердечный разговор.

Цветенье. Радость. Май... Чего желать мне?!
Преддверье лета. Думы высоки.
...Я только мира вам желаю, братья,
Товарищи, соседи, земляки!

РЕКА И РОДНИК

— Тебе ли тягаться, скажи мне, со мной?—
Река роднику говорила,—
Мосты я сметала своею волной
И стольких людей поглотила!

Вскормленная снегом, стремглав я лечу,
Ворочаю тяжко камнями.
Столетние кряжи, когда захочу,
Волной вырываю с корнями.

И путь мой не близкий. Каких я даров
И грузов каких не носила!
Со мной не тягайся — да кто ты таков?
Под камнем жила твоя сила.

— Права ты, река!— отвечал ей родник.—
Я мал по сравнению с тобою,
Тяжелой волной я греметь не привык,
Полям не грожу я бедою.

Лишь путник далекий воды зачерпнет.
Я — жажды чужой утоленье.
Иль юная девушка в зеркале вод
Увидит свое отраженье.

С любимой джигит надо мною вдвоем —
Счастливые необычайно.
И тихо, и нежно я в сердце своем
Храню их заветные тайны.

СТАРОЕ ДЕРЕВО

С произительным звоном врубался топор
В древесную чистую мякоть.
Но, гордой вершиной взмывая в простор,
Оно и не думало плакать.

Ты, старсе дерево, вынесло все:
Палящее солнце и стужу,
И ливни, и злобной пурги колесо,
Когда все безумствуя кружит.

Но были в судьбе и прекрасные дни:
Ты слышало шепот влюбленных,
Они укрывались в заветной тени
Под сенью раскидистой кроны.

А помнишь еще... На могучих ветвях,
Как птиц, детвору ты держало,—
Резвились они,— ты их щебет в полях
К себе, как в гнездо, собирало.

Осенней порой ты роняло листву
В печальные дни непогоды,
Весеннею ранью — рождало листву
Под гимны цветущей природы.

Не раз твое тело и пули секли,
Но ты им друзей укрывало,—
И резвые кони их снова несли
По тропам глухих перевалов.

— Тревожная жизнь! Мы устали так жить!—
Роптали пожухлые листья.
Но ты не умело добру не служить
Душою высокой и чистой.

И пусть он зловец, этот звен топора,
И жить остается — мгновенье,—
Ты, в пламени жарком поднявшись к ветрам,
Останешься жить в поколениях.

Я судьбы иные с твоею сравню:
Живут без стenanья и плача,

Хоть их вырубают и жгут на корню,
Обида, тоска, неудача...

Когда наступает критический миг,
В котором — и сильный слабеет,—
Они не пускаются в слезы и в крик:
Мгновенно сгорают — не тлеют.

И ВНОВЬ — ВЕСНА

Уж снег прошел и лед растаял.
Лишь солнечным лучам в укор,
Еще он сахарно блистает
На голубых вершинах гор.

Прохладный ветер собирает
Под небесами облака,
И первый дождь поля питает,
И гром грозит издалека.

За горизонт умчались тучи —
И вновь под солнечным огнем
Идет от пашни пар могучий,
Как это было пред дождем.

А пахари в заботе старой:
Весь день на пахоте они.
И повели свои отары
На летний выпас чабаны.

Ягнята сытые несмело
Резвятся возле матерей.
Лицо Земли помолодело
От теплых и лучистых дней.

Мыча бредут домой коровы.
У каждой вымя — как луна.

А небеса уже багровы:
Заката высится стена.

И велики заботы птичьи!
Им недосуг глядеться в сны —
Они всю ночь поют величье
Пришедшей радостной весны.

Со всем в согласии, наверно,
Влюбившись в твой прекрасный стан,
Листвой серебряною верба
Его украсила — и стал

Ночной наш мир еще прекрасней...
Ольха, береза и орех
Стоят в сережках желтых, красных...
Кто ярче, кто нарядней всех?..

Вот, в ярко-желтом одеянье,
Нетерпеливый, как джигит
Перед решительным свиданьем,
Кизил листвой своей шумит...

А дуб стоит, росой сверкая.
Он листья медные сронил
И, душных ветров ожидая,
Упрямо голову склонил.

Входи, весна, тебя мы ждали!
Входи, приветствуем тебя!
Пусть на бессмертные скрижали
Природы пишется судьба.

ТУРЫ

Вот туры на скальной террасе лежат.
Их солнце высокше греет.
А выше на гребне могучий вожак
На страже один цепенеет.

Лишь только появится кто-то чужой,
Тревоги сигнал подает он —
И стадо стремится на гребень крутой:
Движенья их схожи с полетом.

Летят на хребет, где парят облака,
Где пули врагов их не сыщут.
Где солнечный ветер им гладит бска...
Но там — ни воды нет, ни пищи...

Все меньше вершин безопасных вокруг.
На каждом хребте, в каждой балке —
Опасность таится: смыкается круг —
Охотникам туров не жалко..

Вот выстрелы прогремели в горах —
И солнце склонилось понуро:
Упал со скалы горделивый вожак
И с ним три молоденьких тура.

Жестокие пули усердных стрелков
Красавцев других поражают,—
Подранки, улав меж скальных зубцов,
Беспомощные умирают.

Подстреленный тур погибает в горах.
Но это стрелкам безразлично.
Пекутся лишь, чтоб не оставить в горах
Трофеи, добытые лично.

О серые камни! Вы — в алой крови!
И я ненавижу мерзавцев,
Которые ради пустой похвальбы
Сгубили могучих красавцев.

..Сошли браконьеры к подножью скалы,
Где четверо туров лежали
Среди малахитовой сочной травы
И хрипло предемертно дышали...

Убийцы как будто вершат ритуал,
Рога измеряют: длинны ли?
Уходят, условясь прийти на вокзал
В субботу, пораньше, чем ныне.

Смеются, и думы, видать, — об одном:
Как к турам получше подкрасться,
Вернее убить их, чтоб долго потом
На свадьбах, пирах — похваляться...

Я видел однажды на фоне зари
В горах круторогое стадо.
Как будто взывала природа: — Смотри!
И чуда не трогай! Не надо!..

Пусть ветры поют на отрогах седых!
Пусть туры и в солнце, и в стужу
На воле гуляют в коронах своих! —
Рог турий с вином мне не нужен!

ДВА ДЕРЕВА

Рядом выросли деревья,
Хорошо под солнцем им.
В высоту одно взметнулось
Над раскидистым другим.

Тополь юный, тонконогий,
Рвется вырасти до звезд,
Далеко внизу оставив
Землю, яблоньку, колхоз.

В голубую высь тянулся
От темна и до светла,
Яблонька внизу осталась,
По весне белым-бела.

Спелой осенью плодами
Вся усыпана она,
Одарить желает ими
Взрослых и детей сполна.

Клонит веток груз тяжелый,
Доставая до земли.
Все, кто мимо проходили,
В сердце радость унесли.

Аромат вдыхают люди,
Яблоню благодаря.
Вымахал высокий тополь
Ввысь, где алая заря.

Все же он собой гордился,
Наблюдая с высоты
Низкорослую соседку,
Не достойную мечты.

Стойко яблоня встречала
Непогоды грозный шквал.
Рядом с ней высокий тополь,
Бурей сломанный, упал.

И поскользнулся на узкой тропинке,
 Не удержался товарищ мой.
 Шапка слетела, он вниз покатился,
 Кочки и камни считая спиной.

И, наконец, он поднялся со вздохом,
 Пыль отряхнул он и глины следы.
 И озираясь, нашел свою шапку,
 Что откатилась далеко в кусты.

И огорченный, обиженный даже,
 Стал почему-то меня упрекать.
 Словно бы мог я предвидеть паденье,
 Словно бы мог я его удержать.

ПОЖЕЛАНИЯ БАЛЛАДА

Громко славили царицу песнопевцы на пиру,
 В честь нее звучали тосты,
 Несравненные в пылу:

— Пусть умножатся владенья у тебя —
 Да будет так!

— Под твоим мечом навеки успокоится пусть
 враг!—

Так сказал один в надежде,
 Что царице угодил,
 Что в глазах знак одобренья, знак согласия
 уловил.

— Да отпустит наш создатель все, чего
 захочешь ты:

И бессмертия,
 И силы, и державной красоты!.. —

Так сказал другой,
Поднял он высоко с вином бокал.
Взгляд ее непримиримый ничего не
выражал —
Изваянию из камня был подобен лик ее.
И ни тени одобренья —
Все, мол, льстивое вранье.
— Пусть могущество и слава прогремят на
весь Восток,—

Так вот третий сладкопевец
Рабский свой излил восторг,
Так сказал, во всю пытаюсь в тост свой
искренность

Вдохнуть,
Озарить лицо царицы хоть чуть-чуть,
Хоть как-нибудь.
Все пришибленно затихли и замолкли. Наконец,
Слово взял несладкопевный
С длинным посохом мудрец:
— Лишь одно есть пожеланье,
Слово, полное любви:
Пусть всегда здоровы дети будут милые
твой!.. —

Так сказал и поклонился — мудрый к лести не
привык.

И улыбкой осветился
У царицы сразу лик,
Разлилась в суровом взгляде, затеплела
благодать —

Не царица улыбнулась,
Улыбнулась людям — мать.

Тому века... Где скал крутых громады
Ущелье затворили — всякий вход,
Где кручи, неясь, бьются водопады,
В большом ауле горский жил народ.

Лишь узкая тропа соединяла
С другими, прячась в скалы и кусты.
Лишь павещали изредка, бывало,
Аул тот вездесущие кущи.

Да из самих, кто жил в ущелье этом,
Случались неноседы. Бросив дом,
Они скитались весело по свету,
Чтоб было что порассказать потом.

Что греет жизнь их — помнил каждый
житель —
Свет бога солища, щедрого Тейри.
А Апеаты — охотников хранитель —
Водил тропой удач, тропой зари.

Здесь лучники, в мишени попадая
Рогожные, под выкрики:— Стрелок!—
Не зря считались славой всего края
И вызывали искренний восторг.

И в состязаньях конники лихие
Умели смело брать любой барьер,
Являли меченосцы молодые
На игрищах и доблесть, и пример.

Не потому ль пред вражеским напором
Был стойкостью аул тот знаменит.
Кто приходил с войной сюда — был бит,
И все кончалось для него позором.

Среди красавиц лучшую едва ли
Найдешь еще среди соседних стран,
Чем та, кого отец и братья звали
Сокровищем, бесценной Аслижан.

Лицо ее сравнишь с одной луною,
С сияньем дня, взгляд долгий из-под век.
Всего лишь год остался, чтоб женою
Ее ввел в дом отцовский Темирбек...

Но вот могучий хан, что шел с востока,
Наместника отправил, чтобы тот
Смог покорить, смог умирить жестоко
Аул упрямый и его народ.

Огни на башнях строгих запылали:
Беда идет, беда грозит войной.
Коней джигиты яростно седлали
И мчались в бой за свой аул родной.

Свист тонкий стрел и злых мечей сверканье,
Клич к битве от зари и до зари,
И боевых коней глухое ржанье —
Все видел бог языческий ТеЙри.

И видел он, как войско злое хана,
Ступая по убитым тяжело,
На третий день, горящий, словно рана,
В аул несчастный все-таки вошло.

Осел тяжелый пепел над аулом,
И как зола, осела тишина
По закоулкам выжженным и хмурым...
И ликовали ханские войска.

Всех уцелевших аулчан собрали.
— Сражались смело. Кончилась война.

Для пира полководца,— приказали,—
Нам лучшая красавица нужна.

Старухи взвыли перед ханской стражей,
А старцы шепчут тихо, строго: «Срам!»
И девушки, обмазав лица сажей,
Попрытались в испуге по домам.

Лишь Аслижан спокойно, не переча,—
Чьи брови тонко выгнуты дугой,—
Сказала богатыру, что для встречи
Наряд наденет лучший, дорогой.

А вечером, всех восхищая статью,
Длинноволоса и лицом бела,
Шла Аслижан, одетая в то платье,
Которое для свадьбы берегла.

В глазах у старцев скорбь темнела жутко,
И горько произнес один из них:
— Словно лишилась Аслижан рассудка,
Отца и братьев потеряв своих.

Лежит ее любимый в чистом поле...
Иль ей девичья честь не дорога?
Знать, потому сама по доброй воле
Идет она, чтоб усладить врага.

Иль бусы ей из красного рубина
Нужны, или чужие жемчуга?
Неужто всех забыла, разлюбила
И ищет теперь милости врага?

Владыка грозный и любимец хана —
Сверкает сабля вязью золотой,—
Он, покорявший города и страны,
Ласкал горянку на пиру рукой.

Дрожали плечи, и глаза взирали
Со страхом, мол, слаба я и одна.
А воины бывалые шептали:
— Красивей, чем персидская княжна.

И опустился ночи черный саван
Над выжженной, печальной стороной,
И воины, насытившись на славу,
Ушли, совсем хмельные, на покой.

Владыки ложе устлано коврами,
На цыпочках давно ушел слуга,
Светильника дрожит еленое пламя.
Горянка полководцу дорога.

«В индийские шелка тебя одену,
На пальцы жемчуга я подарю,
Я разукрашу, будто королеву,
За то, что радость мне отдашь свою...»

Светил светильник. Аслижан дрожала —
Казалось, что она едва жива...
Вдруг выхватила острых ножниц жала
Рука ее стремглав из рукава —

Врагу вонзились яростно по кольца...
Раздался хрип среди ночной норы,
И кровью иноземца-полководца
Окрасились ковры!

Не дрогнули совсем охраны пик,
Увидев среди сумерек ночных,
Как в красном одеянии владыки
На скакуне умчался кто-то в миг.

В густые чащи, под ночные тени,
Унес ее послушно жеребец.

И в сердце радость, но не от спасенья —
От мести, что свершилась наконец.

«Охотники и пастухи, восстанем!
На битву подымайтесь, люди гор,—
Омоем вражьей кровью наши камни
За поражение нашего позор!»

Подобны вихрю, с каждым днем сильнее
Убийц разили, с гор сойдя крутых,
И нападали ночью, ужас сея
Там, где враги совсем не ждали их.

Из уст в уста передавали люди
О воле, что уже невдалеке,
О девушке аула, как о чуде —
Сверкала сабля в девичьей руке.

Враги бежали, паникой объаты,
Не веря в помощь — где там, не спасут!—
Назвав ущелье и аул «Проклятым»,
Где «призраки» бесстрашные живут.

...Промчались годы, и аул из пепла
Вновь родиной цветущей горцев стал.
Народ, рожденный позже, звонко песни
Про Аслижан бесстрашную слагал.

Свой нежный свет и радостный, и зыбкий.
Улыбкою назвали Аслижан —
И улыбались все ее улыбкой.

ТЫ ПОМНИШЬ?

Мы к Тазия-Туншур ходили вместе —
Вершинная, высотная земля,
И обсыпали в переливном блеске
Нас шелестом стозвонным тополя.

А солнце было золотого цвета,
Лило тепло с бессмертной высоты.
Посередине голубого лета
У края неба зыбились цветы.

Их собирал когда-то для тебя я,
Букет цветов, как радуга, цветной.
Сменить цветы — примета есть такая! —
Всегда — к любви и встрече под луной.

Но желтые вокруг цветы разлуки
Росли, я их дарить тебе не смел.
Все, что любовь могло сбречь на муки,
Я избежать старался, как умел.

Ты помнишь, как с горы с тобой когда-то
Смотрели, как в полете журавли,
На сакли у речного переката,
Да так, что посмотреться не могли?

Ты помнишь, той весенней порою
Созвездья нам светили, как костры?
Ты помнишь, как спускались мы с тобою
Запальчиво и радостно с горы?

Как будто волны буйного Черема,
Умчались годы эти чередой.
Но ты поверь мне, намятью согрета,
Что не забыть вовеки встречи той.

Как Тазия-Тупшур увижу ныне,
Я спрашиваю грустно и любя
У тополей тяжелых на вершине —
А помнят они юную тебя?

Меж тополей сижу я белоснежных,
Как в давние зеленые года.
И пусть мою печаль развеет нежно
Бессмертная рассветная звезда.

ВЛЮБЛЕННЫЕ НАСКОРО

Лишь тех, кто всех красивее,
Джигиты ищут смелые,
Цветы срывают яркие —
И алые, и белые.

Спешат джигиты к девушкам
С цветами на свидание.
О, как их сердце радует
Невесты обещание!

Сады дымят туманами,
Восходят звезды млечные,
Знакомятся влюбленные,
Словно на веки вечные.

Хоть не прошло и месяца,
Справляют свадьбы скорые.
И вот — где радость прежняя
И дни, в цвету которые?

«Ленивая, беспечная,
Любовь твоя увечная»,—
К жене супруг с намеками,
Она к нему с упреками.

Лишь встанут утром, хмурятся,
Лишь брань с утра до вечера.
Попреками, скандалами
Семья их изувечена.

Забыв любовь недавнюю —
Любовь для них — уродина,—
Врагами став, озлоблены,
Они уже расходятся.

Не помирить отныне их
Друзьям, родне иль матери.
Чтоб вспомнить нежность прежнюю —
Это не в их характере.

А зори гаснут нежные,
А дни глядят неласково.
Забыли клятвы прежние.
Что им, влюбленным наскоро?..

ГАЗЕЛИ

Звезда Венера пусть и далека —
Возлюбленному так она сладка.

Красивее тебя хотя б одна
Есть на земле? Не знаю я пока.

И я влюблен в тебя уже давно —
Клянусь, ты мне поверь наверняка.

Надейся на меня, и я тебя
Лелеять буду, как волну река.

Я радуюсь: честь воздает народ
Тебе давно — и честь та дорога.

Красавиц у нас много. Только ты
Красивей всех, душе моей близка.

* * *

Да, птицу счастья своего я не сумел поймать —
Дом недостроенный упал, не возвести опять.

Несбыточна моя мечта, несбыточна любовь.
И понапрасну дни ушли, ушли — не отыскать.

И сколько б ни старался я, но мне не повезло.
Горька, мучительна, тяжка мне эта благодать.

Но в сердце не погас огонь, зажженный для
тебя,
И жару прежнему в груди моей еще пылать.

Эй, Берт, как душу ты свою отдал любви
в залог?
Не смей поэтому теперь ты на судьбу пенять.

* * *

Ах, как светел этот день, светел день на все
края —
День, когда ко мне пришла голубь белая моя!

Только крылья размела, надо мной заворковав,
Только глянула в глаза — сразу стал
влюбленным я.

Взгляд печальный посветлел, отпустила грудь
тоска.
Лишь увидел я тебя, нежность в сердце затая.

И согрелась моя грудь, стужа схлынула,
прошла,
Лишь увидел темных глаз солнечные лезвия.

О сколько раз тебя увидеть пытался! Но только
зря.

Всегда ты проходила мимо, всегда проходишь
стороной.

Гонясь за дикою косулей, газели пишет
бедный Берт
И утешается печально своей влюбленною
строкой.

* * *

Когда ты тихо на меня бросаешь нежный
взгляд,
Когда ресницы лесом пик отчаянно торчат,

Тогда на раненного я в лихом бою похож,
Того, кто пикую пронзен — и все же ране рад.

Когда же улыбнешься ты, то снова ожил я,
Словно прошел через огня невыносимый ад.

Когда же сердце у меня путь добрый обретет,
Когда ты бросишь на меня свой нежный
звездный взгляд,

Не будут больше без моста меж берегов крутых
Твоя тропа с моей тропой — и обе наугад.

Если же встречу хмурый взгляд, обращенный
на меня,—
Знай, к печали я привык, в этом я не виноват.

Берт, взошел ты высоко, на вершине ты любви,
Но спускаться вниз сейчас только стал,
тоской объят.

Джигиту на влюбленные слова
Ответила лукавостью пустой?

Или нашла ты равного себе
И не была застигнута тоской?

Бесспорно то, что ты красивей всех.
Ходила ль тесной ты любви тропой?

Носила ли когда-нибудь в груди
Огонь любви бессмертный и святой?

Иль все ж не погасила тот огонь
Бессмысленно ты речью ледяной?

Не замечала ли поэта ты,
Что так пленен твоею красотой?

Хотя б минуту уделила ты
Страдальцу, потерявшему покой?

* * *

Я бы гостем приходил в твой дом —
Разреши заночевать мне в нем.

От тебя вдали не тосковать,
Посидел бы я с тобой вдвоем.

Пери моя райская, поверь —
Я б расцвел, лишь улыбнись тайком.

Что такое рай земной, тогда
Я б узнал, надеждою влеком.

И куда б меня ни повела,
Я пошел бы за твоим огнем.

А велела б:— Ты в огонь войди!—
Я б вошел, чтобы погибнуть в нем.

* * *

К Аслижан стремился я, к ней, что свет моих
очей.

Даже ночью мои сны беспокойные — о ней.

Как смогу я рассказать, что безмерна эта
грусть,

Что на свете нет любви, нет любви моей
сильней?

Хоть решусь я объяснить ей любовь свою и
грусть,

Даст ли мне она ответ, тот, который всех
верней?

Что же горестней всего: если любит человек
Без взаимности большой той, которой нет
милей!

Но бывают среди нас притеснители любви,
Сбросить с гор ее хотят, сбросить в бездну
поскорей.

Кто влюбленным мстит, смеясь, словом
хочет уколоть,

Пусть он сгинет сам с земли, станет пищею
червей!

* * *

Подай мне голос, милая, подай мне, золотая.
Ты — радость моей жизни, одна ты в ней
такая.

И оттого, что слово твое — бальзам для сердца,
Живу на этом свете я, горестей не зная.

Что ты ни скажешь — это всегда умно и мило,
Возьмусь я разве спорить, заранее уступая?

Все говорят: пример ты для девушек аула,
Что, мол, на белом свете навряд ли есть такая.

Не льщу тебе ни в чем я, ведь ты — аула
слава.
Подай мне голос, милая, подай мне, золотая!

* * *

Ты откуда появилась? Ты звезда или луна?
Может, ты перед глазами постоишь, любви
полна?

Может, ты — свет, приносящий людям радость
и тепло,
Многосолнечное лето, жизнью вся напоена?

Безупречен стан твой тонкий, безупречна
красота,
Потому и все равно мне: ты богата иль бедна.

Если любящее сердце говорит с тобой, скажи —
Можешь быть ли ты спокойной, можешь быть
не влюблена?

Много девушек хороших и прилежных есть
у нас.
Ты на них, скажи, похожа, слову данному
верна?

Сколько Берт тебе вопросов самых разных
задает,
Все ль, скажи, тебе понятны? Ты звезда или
луна?

* * *

Не из туч ли ты пришла, моя Чолпан¹,
Много ждал тебя, я стал в тебя влюблен.

¹ Ч о л п а н — Утренняя звезда.

Чтоб развеять о тебе свою тоску,
Я объятия раскрыл, моя Чолпан.

Даже жемчуг — недостойный тебя дар.
Как увидел, всех забыл, моя Чолпан.

Как увидел тебя в юные года —
Сразу всех лишился сил, моя Чолпан.

Я подружке, что с тобой меня свела,
Свой салам проговорил, моя Чолпан.

А сошлись с тобою в мнениях, сказал:
«Счастье в жизни я открыл, моя Чолпан!»

* * *

Мечту свою к тебе направил, карача́ч¹,
Себя я ждать в тот час заставил, карачач.

И спас в тебе свои я лучшие мечты.
Ее я прятал, ее славил, карачач.

Теперь пришла в мои объятия сама,
Путь к счастью я направил, карачач.

На твою свадьбу гармониста пригласил,
Танцоров лучших я представил, карачач.

Как танцевали, веселились во дворе —
Я ничего здесь не прибавил, карачач.

А проводив гостей, остался я с тобой,
И месяц путь к нам свой направил, карачач.

И все сомненья, что держал на сердце Берт,
Ты прогнала, нас жар оплавил, карачач.

¹ К а р а ч а ч — черноволосая.

К любви я шел — и вот попал я в светлый рай,
А потсму, что не лукавил, карачач!

* * *

Да, о тебе я думаю всегда —
В глубоком сне и наяву, моя звезда.

Ведь ты, суратка, мне милей души,
Когда ты шлешь салам в ответ, когда

Слова, что греют сердце, говоришь,
Мне кажется — я счастлив на года.

Сурат¹ — картинка, что красивей нет.
Всегда, Сурат, ты будешь молода.

Сидят наряды ладно на тебе,
Красавица, невеста — хоть куда!

Тот счастлив, кто на жизненном пути
Умеет честь беречь, а ты — горда.

Одни тебя: красавица — зовут,
Вторые же — рассветная звезда.

А третьи восхищаются: кундúz!²
И золото — другие. Как когда.

Ты золота дороже. «Свет очей!» —
Тебя назвал, люблю я все года.

Я — образ твой, и в памяти моей
Запечатлен твой образ навсегда.

Берт, зря стремишься описать ее,
Ведь слову не подвластна красота!

¹ С у р а т — картинка.

² К у н д у з — соболиха.

КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

Она и впрямь красавица была,
А шла — словно пространство освещала
Вокруг себя, спокойна и светла.
По ней толпа поклонников вздыхала.

Хоть счастья материнства не пришлось
Познать ей, и горюя, и страдая,
Всегда он думал нежно, что нигде
Такая не отыщется вторая.

А тех, кто провожал порой ее,
Благодарил, в душе считая здраво —
Большого уважения полна
К красавице вздыхателей орава.

Не обращал вниманья никогда
На то, что выются вокруг нее, как стая,
Поклонники... Не ревновал ничуть,
Ее в пустой квартире ожидая.

Когда ж пыталась близкая родня,
Приехавшая в гости в шумный город,
Насторожить его, предостеречь,
Он отвечал: «Пустые разговоры!»

Потом, сдаваясь, обещал, что впредь
Все будет в крепких у него границах,
А если все же не поймет — держать
Ее в ежовых будет рукавицах.

Но только оставался он без них,
И снова становился мягкой ватой.
Жена же приходила все позднеей,
Все больше становилась нагловатой.

И, радуясь, что все-таки пришла,
Смотрел он, восхищенья не скрывая,
Как молода и как лицом светла —
Где есть еще такая вот, другая?

Вот так и жили, словно чужаки,
Под сенью всепрощенья и терпенья.
И вот она ушла, не скрыв тоски,
К другому, не простясь, без сожаленья.

Остался муж, обманут и забыт,
Остался, не сумев быть строгим мужем,
Как старый вол, устав давно пахать,
Давным-давно уж никому не нужен.

ВЫБИРАЮЩЕМУ ДЕВУШКУ

Выбирал себе девушку мой друг,
Красоту ее считая даром,
С гордостью возил ее мой друг
По проспектам летним и бульварам.

Радости великой не гоня,
Встретил счастье это, словно диво.
И однажды он спросил меня
Горделиво: «Вправду ведь красива?»

У нее в зрачках голубизна
Неба, а глаза, как зимний вечер.
Плавно — за одной волной волна
Лились ее волосы на плечи.

А ресницы черные ее,
Словно плечи черной бурки гореской.
Золота тяжелое литье в мочках.
Шаг стремительный и броский

Платья модный, дорогой фасон,—
Все, словно реклама дефицита.
На цепочке золотой кулон —
Никакая мелочь не забыта.

Спрятал ее волосы парик
В завитках немислимых, безличных.
Он на голове ее парит.
А синна — в нашенках заграничных.

Резкий, терпко-сладкий аромат
Веет от духов и от помады,
Тени крема розово лежат
На щеках и привлекают взгляды.

Губы — пусть простит за это друг —
Как щенок, что нализался крови,
Не лицо — какой-то алый круг,
Ничего не видно крема кроме.

Талия как будто напоказ,
Все в обтяжку, дескать, вот какая.
И прищур высокомерных глаз,
Краска на бровях лежит густая.

От ее коронок золотых
Слепнут взгляды, а не от улыбки.
Много видел в жизни я таких,
Видел суть их сердца без ошибки.

И не стал искать я, грусть тая,
Совершенство тела в ней и духа,
И остался недоволен я
Выбором и восхищеньем друга.

Мненье хочет слышать друг мой и совет.
— Не спеш, ведь всякое бывало.
Что сказать? Красива или нет?
Хорошо себя нарисовала...

СНОШЕНЬКА

Привезенная в мой дом, сношенька,
Льешь ты добрый свет кругом, сношенька.

Ты проворна и смела, сношенька,
И моей семье мила, сношенька.

Дружелюбна и чиста, сношенька,
И делами занята, сношенька.

С мужем ты в ладу, все — впрок, сношенька,
Как основа и утök, сношенька.

БЕЛАЯ ГОЛУБКА

Весть веселая прилетела
Вместе с солнышком к детворе:
Сизый голубь с голубкой белой
Поселились в нашем дворе.

Строят гнездышко меж балконов
И воркуют уже с утра.
Всем влюбленным сердцам знакома
Эта радостная пора.

И проходит, лицом светлея,
Под балконами юн и стар.
И уютнее, и теплее
Старый двор наш как будто стал.

Но в семье ведь — не без уroda:
Злобный мальчик наладил лук —
И нахмурилась мать природа,
Когда голубя взгляд потух...

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Цветы пестреют у надгробных плит,
Не умолкает птичья щебетня,
Траву вершинный ветер холодит,
Что стелется у Вечного Огня.

Он кажется мне алою листвою,
К нему припала память, как вдова.
Он — вечной Славы обелиск живой,
Он — о бессмертье подвига молва.

И миллионы судеб и сердец
Скорбящих видит он перед собой.
Огонь — терновой памяти венец,
Объединяет мыслью всех одной.

Сюда ведут всех матерей пути.
Увидишь слезы в искорках Огня —
Горит он у планеты на груди
Во имя жизни завтрашнего дня.

ЗАБОТЫ ВЕТЕРАНОВ

Жизнь еще ясней и краше стала,—
К этому привыкли мы вполне,
Мы среди раскаленного металла
За нее сражались на войне,
За нее себя мы не жалели,
Так трудиться только мы умели,
Ветераны жарких, грозных лет.
Все познали в жизни в полной мере,
И заботам нашим счета нет.
Надо, чтоб сердца не очерствели,
Чтобы люди сделались добрей,
Чтоб сравнялись с праздниками будни,

Чтобы сберегли навеки люди
Память горьких и геройских дней.
Много есть для подвигов простора
В нашей жизни.
В грохоте моторов,
В мирном гуле наших тракторов
Время еще громче зазвучало,
Юность нам на смену ныне встала.
Мы — народ великих мастеров.
Сколько их вокруг длинноволосых
Девушек, юнцов звонкоголосых —
Мчатся строить, побеждать, дерзать.
И в жару, и в стужу ледяную
Через всю страну напропалую
Едут степь с тайгой покорять.
И в тайге дремучей и зеленой,
И в пустыне, солнцем раскаленной,
В их делах — свершенье наших дел,
Продолженье помыслов высоких.
Манит свет созвездий их далеких —
Не поставлен им ни в чем предел.
Шли мы, спотыкались, подымались,
Никакому горю не сдавались,
Ветераны гордого труда.
Лишь одна у нас теперь забота —
Дать им силы новые для взлета,
В памяти остаться навсегда!

ПЕЧАЛЬНЫЕ КЛЕНЫ

Памяти Михаила Киреева

Звезды обильны, а в поднебесье
Рыскает ветер. Падают с крон
Жухлые листья. Горькие вести
Соединили сегодня нас, Дон.

Губы бедою мне обметало.
Холодно в мире, студено в душе.
Друга не стало. Друга не стало.
И ничего не исправил уже.

Помню, любил он наши прогулки,
Лепет кленовый, лиственный звон...
Ныче аллеи пустыни и гулки.
Нотою скорби воздух пронзен.

В конусе света — брызги фонтана.
Мертвый фонарный призрачный свет.
Все здесь знакомо. Только фатально
В этих аллеях нет его, нет!

Будто сорвался нечаянно с кручи,—
И не успел закричать на лету,
Будто смеялся солнечный луч мне,
Да, замурованный в туче, потух...

Воздух прозрачен. Ветер прохладен.
Бледно-лиловым светом асфальт
Слабо подцвечен. Но безотраден
Ветра дрожащий простуженный алыт.

Скорбная ликом, жена почернела,
Сразу истаяла, словно свеча.
...Как его сердце теплое пело!
Как его шутка была горяча!

Как он работал до изнеможенья!
Сутки казались ему коротки!
Как понимал молодое свеченье
Тонкой, чеканной, жаркой строки!

Осенью поздней я заплутаюсь
В цвете кленовом, как в янтаре,

Сердцем застыну... Но не досчитаюсь
Друга ни в полночь, ни на заре...

Верное сердце — последняя правда.
Дружбу и смерть не повергнет во прах!
...И навсегда остается отрада —
Память бессмертная — нам о друзьях.

ТУМАН

На землю пал тумана влажный дым
И солнце скрыл под пологом густым,
Прилизывая травы и деревья
Прохладным плоским языком своим.

И вот печальным стало все вокруг,
Сгущалея темноты широкий круг —
Все поглотилось тяжестью тумана:
И горы, и дома, и дальний луг.

Тумана клубы, воздух голубой
Причудливо сливались меж собой,
Молочные выдавливая капли,
Стелились над притихшею землей.

Поникли травы, листья и цветы
Среди молочной этой темноты.
Но стал туман подрагивать, как будто
Стремясь уйти и спрятаться в кусты.

И кажется — сейчас сама с собой
Затеяла природа тяжкий бой.
Вот поредел туман и утончился,
Стал невесом, как ситец расписной.

Но там его густая полоса
Заполнила низины и леса,

Чтоб уплотниться и совсем остаться,
Не видеть солнца жаркие глаза.

Лучей у солнца — золотой колчан,
Пронзают стрелы белые туман.
И все ясней, все гуще, все сильнее
Пролился день — и молод, и багрян.

Весна и солнце путь закрыли мгле,
Туман растаял в золотом тепле,
Развеялся, растекся, растворился —
Весна вернула светлый день земле.

И я одно в душе своей храню,
Чтоб радовались вечно люди дню
И мирному, спокойному сиянию.
Мир ценят люди, в мире мир ценю.

Пою я единенье разных стран
И языков. Исчезнет пусть обман.
И пусть несчастья все и все невзгоды
С землей уйдут, как этот вот туман!

РАЗГОВОР С ЗИМОЙ

Зима! Как равнодушен цвет твой!
Глуха твоя пустая даль.
Что скрыто в дне твоём незрячем?
Любовь, отчаянье, печаль?

Без боли и без ликованья
Зерно укроешь, спрячешь сор...
Твой беспристрастный взор скрывает
Тоску ли, счастье ли, позор?..

Смеется детвора, играя
В снежки... А мне сжимает грудь

Тоска о том, кто заблудился
В снегах... Чей безысходен путь...

Одной весне я верю! Выйдет
Из тьмы — и спутает цвета,
И сор помчит в потоке шумном,
И просияет высота

Голубизной! И дней бесстрастных,
Студеных, затаенных — нет!
Непроницаемый, единый —
Порушен, сломан белый цвет!

ТЕМИРКАЗАК¹

Сияешь ты в ночном просторе,
Звезда вечерняя полей.
Ты, как Венера, одинока,
Ты мне — другой звезды милей.

Стожары — целое семейство,
Весы — созвездием одним
Всегда восходят эти пары,
И в небесах не скучно им.

Плывет, свой ковчиг перемещая,
Медведица — семь дружных звезд.
Владеют небом безраздельно,
Уже их не представить врозь.

Пускай они меняют место
Семь раз до утренних лучей,
Мы видим их зимой и летом —
Таков привычный ход вещей.

¹ Темирказак — балкарское название Полярной звезды.

Пусть это главное созвездье,
Все знают, где его найти.
А ты, Темирказак, восходишь
На радость сбившимся с пути.

И многим компас заменяет
Неяркий твой, неглавный свет,
Им так нужна твоя подмога,
Когда дороги ясной нет.

Пристрастный взгляд наш отличает
Обычно яркую звезду,
А о далеких, одиноких
Лишь листья шепчутся в саду.

Звезде Темирказак подобна
Моя строка. Придет ли час,
Чтобы читатель справедливый
Однажды заметил нас?

Среди хваленых звезд и ярких
Спокойно в сумерках светись,
Тебя увидит, обнаружит
Кто верно разумеет жизнь.

Звезда моя, гори свободно,
Хоть света еле видна нить.
Но злобному не дотянуться
Тот свет дрожащий погасить.

Хочу надеяться, подымет
К тебе глаза когда-нибудь
Потомок дальний, в вихре мрака
Ты маяком ему пребудь.

Рассвело, опять рассвело...
Поле, словно бумага, бело.
Я черчу на нем письмена:
Буквы черные — семена.

У коня стальные бока,
Он похранывает, топча
Землю, древнюю, как века,
Что податлива и горяча.

Конь мой, добрый свой труд верши,
Золотые стихи пиши,
Чтоб из строчек — борозд земли —
Новой жизнью они взошли.

Бьется ветер в кустах, как бьются
Птицы в тесной клетке своей...
И как перья их, остаются
Ключья снега среди ветвей.

Я сродни самому пророку —
Так от инея густо сед.
Но бессильна поэмка, поскольку,
Словно пух, подминаю снег.

Ярость ветра меня не согнула,
Хоть гудел он со всех сторон...
И село наконец взглянуло
Ярким взглядом своих окон.

И забилося тревожно сердце.
Осторожно стучу в стекло...
Навсегда я могу отогреться,
Лишь взгляни на меня тепло!

МОРЕ

Под жгучим солнцем, сонное такое,
Застыло ты в серебряном покое.

Большое небо на волнах качая,
Ты не внимаешь даже крикам чаек.

А если разбушуешься однажды,
Найдется вряд ли кто-нибудь отважный,

Кто твоего не устрашится плена,
Кому и вправду — море по колено.

Но пусть над морем небо в черных тучах,
Благословляю гребни воли могучих.

И в штиль, и в шторм — всегда они красивы.
На мой народ они похожи силой.

ГОЛОС ПРИРОДЫ

От белых перьев
Проходу нет:
Это первый-препервый
Падает снег.
Можно землю сравнить
С человеком усталым,
Засыпающим под небывалым
Таким одеялом.
И шепчет вечер,
Что будет мороз.
Только сам он
Не верит в суровый прогноз.
Я иду, гадая —
Как мир этот зимний,
Иней синий-пресиний
Домой навсегда унести мне?

Ростки озимых
И каждый сад
В самых зимних-презимних
Нарядах стоят.
И припомнил я вдруг
Под киргизским рожденною небом
Поговорку:
Зима студит снегом —
Земля будет с хлебом.

Проходят пары...
Роняют смех —
И девчонки и парни —
На праздничный снег.
А деревья, как деды,
Снежным мехом одеты:
Так и будут стоять
И дремать вилоть до самого лета.

Не видно неба,
И нет луны...
Тропы искрами снега
Освещены.
И сугробы встали,
На горы похожие, кстати.
Ах, как славно
По первому снегу плутать мне!

Но не обманет
Меня белизна,
Очень скоро нагрянет
В горы весна.
Беспокойней не сыщешь
Весенней погоды,
Но весной лишь услышишь
Ликующий голос природы.

ХЛЕБ И ПЕСНИ

На полях поспела кукуруза —
На просторах, солнцем залитых.
И корзинам тяжело от груза
Молодых початков золотых.

Вот и я сегодня рад и весел,
Как и весь народ в моем селе.
Много хлеба,— значит, много песен,
Много счастья на родной земле.

ДОЖДЬ

Из-за гор, клубясь, теснясь,
Облака крадутся
И, над ними наклонясь,
Грома не дождутся.

Чтобы весело и зло
На землю пролиться...
Наконец им повезло!—
Сколько дождь продлится?

Он еще совсем дитя,
Что его бояться?
Но мальчишки от дождя
Врассыпную мчатся.

Небо хмуро и темно
Над землею черной,
Как вечернее окно
С лампой невключенной.

Но едва прошита мгла
Молнией кривою,

И просторна, и светла
Даль над головою.

Я остался на лугу,
Где, нежны, кудрявы,
Как мальчишки на бегу,—
В крупных каплях травы.

Где усталые цветы
В радостной отваге
Рвутся в небо, налиты
Жаждой чистой влаги.

Все до капельки вобратъ
В лепестки решили!
...Зря мальчишки убегать
От дождя спешили.

Дождь — волшебная вода,
Вы себе заметьте.
От дождя растут всегда
И цветы и дети.

Время, словно в детстве, мчи,
Счастье отмеряя!
Ты мочи, меня, мочи,
Дождь родного края!

ТИХАЯ СТРАНА

Как будто склоны странных гор,
На кладбище холмы могил.
Печально опустил я взор,
В молчанье голову склонил.

Как не похожи камни их!
И различаются вот так:

Дома у нас, людей живых,
То мрамор, то простой чурбак.

А под землю все равны:
В холодной беспросветной мгле
Одни и те же видят сны
О том, что нет их на земле.

Но тишина здесь — как струна:
Вмиг зазвучит, лишь прикоснись.
Да, эта тихая страна
Настроена всегда на жизнь.

ПОЭМА

ЖУЛДУЗХАН

1. НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Кавказские горы, вершины седые,
Бесстрастные, древние и молодые,
Суровые — как на посту боевом,
В кудрях облаков и в снегу вековом...

Сдувая завесу густого тумана,
Все видите вы с высоты без обмана.
И голосом эха в буран и в грозу
Ведете беседы о том, что внизу.

Холодной зимой, как мячик, друг другу
Швыряете злую голодную выюгу.
Кого эти игры застигнут в пути,
Едва ли до дома сумеет дойти.

Я вырос в горах, и не раз я, бывало,
Слышал не без трепета грохот обвала.
Над горной тропой, когда к дому я брел,
Парил — по-хозяйски — суровый орел.

Нередко меня здесь опасность встречала,
И все-таки наша краса величава,

Кавказские горы! Встречая зарю,
Всегда с восхищеньем на вас я смотрю.

И тихая прелесть ночей ваших лунных,
И шелест деревьев, зеленых и юных,
И шум наших рек — все таит непокой,
Как в мире изменчивой жизни людской.

Я знаю, откуда такая тревога;
Вы видели много, вы знаете много,
И жизнь ваша трудной и сложной была —
Недаром любая вершина бела.

Как часто бывает здесь ливень жестокий,
И мутные рушатся с неба потоки,
Сминая траву и ломая кусты,
Что жмутся бессильно в плену немоты!

Но вот их лавиною бурной умчало,
И горная речка начнет все сначала,
Чтоб снова, как встарь, после грозной грозы
Струилась вода в ней — светлее слезы.

Когда небеса не темны и не хмуры,
Пасутся на пастбищах мирные туры,
Но дула охотников помнят о них,
И нет нам покоя на кручах родных.

И птицы и звери знакомы здесь с детства
С сигналами бедствия, с ужасом бегства.
Но только ль животных издревле в горах
На тронах коварных преследовал страх?

Охотник был тоже песчинкою жалкой.
С кремиевкою старой да острою палкой
Шел в горы отнюдь не за славой бедняк:
Затем, чтоб семью прокормить кое-как.

Недаром и в песне старицкой поется:
«Охотнику больше других достается
Потерь и невзгод, и немислимых бед.
Несчастней людей, чем охотники, нет!»

Как запертый в клетку тюремную сокол,
В горах недоступных, высоко-высоко,
Балкарский народ проживал с давних пор,
И был он до времени пленником гор.

Он скалы долбил, но тяжелые камни
Лишь только дрожали в ответ под руками
Да лоб орошал изнуряющий пот...
Хватало народу и прочих забот.

Он землю пахал: это было непросто —
Она камениста, жестка, как короста,
Но он, как умел, эту землю любил
И к скалам нехитрые сакли лепил.

Враги на него нападали, бывало,
И, дружно поднявшись, село отбивало
Ту землю, ту жизнь, что трудна и груба,
Но все же то лучше, чем доля раба.

А если врагу выпадала удача.
Не горестной нотой покорного плача
Игрушки превратной судьбы боевой
Встречал мой народ этот час роковой.

Он силы тайком собирал воедино,
И с шен срывал он ярмо господина.
Любой, кто оружие может держать,
Шел в бой, чтобы снова свободой дышать.

И против своих богатеев, бывало,
Народная сила стеною вставала.

И каждый скорей умереть был готов,
Чем жить недостойней скота — у скотов.

Что знаем о времени том невеселом?
Руками, зубами, березовым колом
Случалось господ моим предкам крушить
За право, такое бесспорное, — жить.

И было им трудно готовиться к битве:
Тела их избиты, а души забиты,
А руки в крови от незримых оков.
Гнетет их ярмо трех заклятых врагов.

Бог — бедный вдвойне его слушаться должен.
Богач подчинения требует тоже...
Разбойник-сосед разоряет кого?
Конечно же, бедных людей, не его!

А что говорить о горянке несчастной?
Служанке слуги! В суете ежечасной,
Бесправна, под бдительным оком родни
Влачила она бесполезные дни.

Кавказские горы, вы видели много,
Вы знаете, как начиналась дорога,
Крутая, похожая на поворот,
Которой пришел к светлым дням мой народ.

Высокие звезды, вы помните также
Тех юных героев, веселых, отважных,
Чьи лучшие ночи прошли не в селе —
Под посвисты пуль, в громе боя, в седле!

Поток-песнетворец, мне песней поведай
О том, как знаком и с бедой, и с победой.
Не раз ты, поток, свое русло менял,
Когда тебя ветер беды догонял.

Мне видятся снова в воде твоей бурной
Бессильные плечи под черною буркой.
Немало джигитов — в твоей глубине.
Сердца их пробиты на давней войне.

А редко ли ты выносил на откосы
Из темного омута девичьи косы?
И бедная мать, не в себе от беды,
Бросалась за дочерью в бездну воды.

Холодные ветры, вы в трубах рыдали,
Вы вместе с людьми голодали, страдали,—
Куда же теперь вы? Ответа я жду,
В какую тогда вы попали беду?

По ком вы так плакали, добрые ветры?
Кому шелестели печальные ветви?
Дерзнул я о помощи вас попросить,
Чтоб в нынешнем прошлого дни воскресить.

Немые свидетели, горы родные,
Луга, водопады, ручьи ледяные,
Ущелья, долины, тропинки, леса,
Проснитесь, подайте свои голоса!

Ты помнишь, река, как цеплялся руками
Джигит за траву, за кусты и за камень,
Но силы иссякли, спастись он не мог,—
Привязанный к камню намокший комок...

Немые свидетели, шел против смерти
Народ мой... Так что ж вы молчите? Ответьте!
И вправду вы немые, и вправду глухие...
Но знаком вопроса не кончить стихи.

Я знаю, с вопросом к кому обратиться,
Спрошу я Октябрь, что Победой гордится,

Спрошу у балкарцев, своих земляков,
Спрешу я у партии большевиков.

Поеду в аулы, что все испытали,
Где люди и горе и радость видали,
Где память не сжег ураган огневой,
Где каждый старик — это опыт живой.

Расскажет он мне и старинные сказки,
И то, как сражался народ навзбалкарский,
Как кровь его щедро на землю лилась,
Чтоб стала навеки народною власть.

В одном из таких вот аулов бывалых,
Хранителей этих сокровищ немалых,
Пришлось говорить мне со старой Жулдуз.
Печальный хранит она в памяти груз!

Непросто вновь встретиться с прошлым
старухе,

Но помнят ее узловатые руки,
Спина, что согнулась от бремени лет,
Что было, что сплыло, чего уже нет.

Поведала все, моей просьбе внимая,
И ей помогала природа немая
Сочувствием ветров, и веток, и вод...
Пусть этот рассказ и для вас оживет.

2. РАССКАЗ ЖУЛДУЗХАН

«...Зачем, сынок, бывшее ворошить?
Мы в памяти его подальше спрячем.
Дома пылали, страшно было жить,
И пахло гарью в воздухе горячем.
Настаиваешь? Ладно, так и быть,
Хотя мне страшно это вспомнить даже.

Жила я в сакле... да, чтоб не забыть,
Скажу: она черна была от сажки.

Наш дом был беден, надо понимать,
Но помню материнские уроки:
Всему меня учила строго мать,
Что женщина умеет на востоке.

Вздувать огонь, заквашивать айран,
Ткать полотно и прясть была должна я.
Беспрекословно, как велит Коран,
Весь день трудиться, устали не зная.

Так жизнь прожить мне было суждено,
Хоть смутно по-иному жить хотелось,
И я вертелась, как веретено
В моих руках заученно вертелось.

Безрадостней, чем бесконечный поет,
Печальнее, чем солнце на закате,
Стелились дни к ногам моим, как холст,
Который я ткала на тауате¹.

Трудились в поте, не щадя себя —
И все-таки не стали мы богаты.
Но пробил час — к нему вела судьба, —
И в дом наш бедный постучались сваты.

Робела я под взглядами мужчин,
Прощаясь с жизнью всей своей былою,
Они хвалили скромный мой хичин²,
Мою бузу³ тянули с похвалою.

¹ Та у а т — самодельный деревянный ткацкий станок.

² Х и ч и н — широк.

³ Б у з а — хмельная брага.

Не знала я, чего мне ожидать,
Но, сколько ни старалась, не сумела
Улыбок их блудливых разгадать,
Из-под ресниц бросая взгляд несмело.

И в душу незаметно страх проник.
Но — что для них он, этот страх девичий?
А обо всем спросить их напрямик
Не позволял старинный наш обычай.

О, знать бы, что случится впереди,
Какая злая доля мне досталась?
Ведь сватали меня за Кубади,
Чтоб, взяв калым, потешить его старость.

Отец и мать решили без меня
Мою судьбу, мне не сказав ни слова.
Была довольна сговором родня.
Жених не юн? Да что же тут такого!

Когда узнала, стал мне день как ночь.
Напрасных слез я пролила немало.
Никто не мог беде моей помочь.
Родная мать меня не понимала!

Шли дни. Смирившись, тихо я ждала,
Угрюмая, бессильная и злая.
Ах, если б утопиться я могла,
Ах, если бы в огне сгореть могла я!

И не забыть мне рокового дня,
Он от других ничем отличен не был,
Но вдруг соседка вызвала меня
И — словно на меня свалилось небо!

Наивная доверчивость моя,
Как никогда, в тот миг была не к месту.

В своем волнении позабыла я,
Что есть обычай похищать невесту.

Еще не затворила я ворот,
Еще нога на землю не ступила,
Меня схватили и заткнули рот
И потащили... Несколько их было.

На помощь не успела я позвать,
Лишь «мама!» со слезами повторяла,
Да пискнула, что нечем мне дышать,
И сразу же сознание потеряла.

Не час, не два в беспамятстве была.
Пришла в себя — и стало еще хуже.
Чей это дом, я сразу поняла
И вспомнила о ненавистном муже.

Свершившееся не сочтя бедой.
Считая, что все это неизбежно,
Отпайвали женщины водой
Меня, полузадушенную, нежно,

Внушали: «Ты теперь — его жена,
Смотри, наперекор — чтоб ни словечка!»
Потом ушли. Осталась я одна,
Как связанная бедная овечка.

Что было делать, горемычной, мне?
Где выход? Только нож, петля, отравы...
Вот так я оказалась в западне,
За сто земель от правды и от права!»

...Неспешно разговор ведет Жулдуз
О времени недобром и суровом.
Ее я молча слушаю, боюсь
Прервать рассказ неосторожным словом.

И светится в глазах ее душа,
Что верить и бороться не устала.
Жулдуз еще, как прежде, хороша,
Хоть голова серебряною стала.

Пусть изменили многое года,
И все же красота не уступила!
Да, видно, имя Жулдузхан — Звезда —
Не зря дано ей при рожденье было.

«Так попробуй девочку роди,
А не сына, желанного сына!
Что такое твой муж Кубади
Ты узнаешь, — не будь я мужчина!»

Так жене Кубади угрожал,
Ей, бессильной, приказ повторяя,
За ворота, взбешенный, бежал,
Как сленой, путь от злости теряя.

Но опять его жизнь подвела.
Вот окончились трудные роды:
Третью дочь Жулдузхан родила
По законам великой природы.

И тогда разразилась гроза!
Муж к жене виноватой подходит...
Кровью налиты злые глаза.
Как безумный, он ими поводит.

Ту, что в жены за деньги добыл:
Хороша, да — увы! — не богата,—
По лицу он безжалостно бил,
Будто вправду она виновата.

А потом он куда-то пропал...
Через месяц, помятый и пьяный,

Всю одежду свою истрепав,
Воротился — да не с покаянной.

За собою не чужа вины,
Жулдузхан попрекал он сурово,
И на голову бедной жены
Сынал громы и молнии снова.

А жена, и тиха, и скромна,
Одного лишь покоя хотела,
И могла ли подумать она,
Что пойдет он на подлое дело?

Разве сердце имел он в груди?
Нет, не сердце — змеиное жало!
Выгнал вон Жулдузхан Кубади,
Оттого, что девчонок рожала.

3. ПРИЧИНА РАЗДОРА

«...Если дочь, а не сына родишь,
Ох, недоброе, помни, случится!
Как собака во двор угодишь,
Будешь выть у меня, как волчица!

Задуши свою подлую дочь,
Раз уж быть перожденной нельзя ей,
Утопи ее в темную ночь! —
Так велю тебе я, твой хозяин.

А родишь мне мальчишку, тогда
Гордо шапку я к небу подброшу!
Вот тогда будешь вправду — звезда
И увидишь, какой я хороший.

Пусть продам свой последний башлык,
Все ль богатство уйдет, половина —

Закачу на весь мир курманлык¹,
Ничего мне не жалко для сына!

Ну, а дочь... Задушу эту мразь,
Если снова девчонку посмеешь
Ты родить! Я и так уже власть
От друзей натерпелся насмешек».

И не девушка, и не жена,
Жив отец, только сироты дети...
В отчий дом возвратилась она,
Робко в дверь постучав на рассвете,

Кто утешит ее? Кто поймет,
Примет беды ее и заботы?
...Когда выкачан, высосан мед,
Так бросают ненужные соты.

4. В ОТЧЕМ ДОМЕ

Когда Жулдузхан вернулась в отчий дом,
Как с ним рассталась — не по доброй воле,—
Она родным поведала с трудом
Всю правду о своей печальной доле.

Мать слезы отирала под конец,
Ее рассказу грустному внимая.
Хватался за оружие отец,
Внезапное решенье принимая.

Намаз, опомнясь, тут же совершал,
В своей молитве, горестной и длинной,
Как поступить, аллаха вопрошал
И умолял его помочь невинной.

¹ Курманлык — шир.

«Вели, чтоб передумал Кубади!
Раскается — карать его не надо.
А если не захочет — не щади:
В огонь его, на муки, в бездну ада!»

А помолясь, пошел он к эфенди¹
И, выразив почтение вначале,
Поведал о поступке Кубади,
О дочери, что в горе и в печали.

О том, что Кубади в ее судьбе
Повинен — и за то достоин кары...
Но эфенди не внял его мольбе,
И вот что от него услышал старый:

— Напрасно затеваешь ты скандал.
Не понимаю, что тебя тревожит?
Кому аллах не дал — тому не дал...
Семь раз жениться мусульманин может!

Как будто в чем безвинно виноват,—
Стал даже меньше ростом, сник, согнулся,—
Ни с чем убитый горем Бекболат
В свой бедный дом от эфенди вернулся.

Твердил:— В обиду дочь свою не дам,
Ей помогу во что бы то ни стало!—
И понял старый: не у тех, не там
Добра и справедливости искал он.

С тех пор, неясной думою томясь,
Стал он совсем иным, чем был дотоле:
Не так усердно совершал намаз,
Все больше думал о бедняцкой доле,

¹ Э ф е н д и — татарский священник.

О том, что старшина, и бай, и суд
За бедняками вместе смотрят в оба
И паутину общую плетут,
В которой биться беднякам до гроба.

А Жулдузхан, придя в себя едва,
Тотчас познала бремя новой боли.
Что означает женщина-вдова? —
Разбитая тарелка — и не боле!

Тяжелым стал когда-то стройный стан,
Взгляд погрузстнел, пугливо плечи сжались.
Одни лишь только руки Жулдузхан
Без усталы за жизнь ее сражались!

Трудились от темна и до темна.
То в поле, то у очага родного
И постепенно обрела она
Благодаря им радость жизни снова.

Как ни горька была ее судьба,
Но, за другие, юные, в ответе,
Она теперь не только для себя —
Для дочерей жила на белом свете.

5. КОМИССАР

Однообразно дни летят,
Не избалованы удачей...
Но и до гор дошел Октябрь
И все вокруг переиначил.

Верша свой благородный труд,
Он новый путь открыл России,
И как повсюду, так и тут
Трецит империя всесильных.

Так, капля к капле и река...
Слаба, когда одна на свете
Рука, что кормит бедняка,
Но — если вместе эти руки?

Шумят дожди, ручьи... И вот
Из ручейков, из малых тучек,
Из тихих родниковых вод
Поток рождается могучий.

Один поток, другой поток
Летят друг к другу, с ветром споря...
И вот, как крохотный листок,
Уже корабль качает море.

Подобно морю, гнев людской
Обрушился волною грозной
На мир, отравленный тоской
И безысходной мукой слезной.

И солнце засияло тем,
Кто пребывал во тьме веками,
Кто был и слеп, и глух, и нем,
Как одинокий серый камень.

Очнулись люди и пошли
Под стягом, где сияло: «Ленин».
Большевики их повели
На бой решительный, последний.

Тому, кто притеснял народ,
Пришлось несладко в эту пору,
А бедняки, наоборот,
Пошли, как говорится, в гору.

Стоял в горах веселый гул...
Все было новым, небывалым,

И каждый маленький аул
Встречал зарю под флагом алым.

Теперь простые люди — знать,
На все — их власть, не чья-то милость,
Жулдуз теперь и не узнать:
Помолодела, распрямилась.

С подругами, а не одна.
Ни взглядов злых, ни чьей-то брани...
Как равная пришла она
С другими вместе на собрание.

И, удивляя всех вокруг, —
К такому не привыкли люди, —
Желдуз заговорила вдруг:
— Пусть власть Светов вечной будет!

Мы больше не хотим страдать.
Поверив в нового приметы,
Я даже жизнь могу отдать
За Ленина и за Советы.

Нам Ленин самым дорогим
И самым близким стал по праву... —
Одни ей хлопали, другим
Все это было не по праву.

Ворчали: — Знать, дела плохи,
И схватимся еще потом мы:
Полезли куры в петухи...
Долг женщины — хлопотать по дому!

Нет, женщину унять пора,
А то невесть чего захочет... —
Кулак известный Мухара
Был недоволен больше прочих.

Он все ходил бочком, бочком,
Как будто бы кого боится,
И хриловатым шепотком
Повсюду сеял небылицы.

На тех, кто робок, неумен,
Неудержимым водопадом
Обрушивал, коварный, он
Слова, пропитанные ядом.

Он подбирал ключи, как вор,
Ко всем, кто сомневался в чем-то,
И как колхозу дать отпор,
Уже давно продумал четко.

Лгал, нападал из-за угла,
То отходя, то наступая,
И жертвою всегда была
Душа, забитая, слепая.

За дом, за землю, за свое,
Ничтожный, злобный кровопийца,
Готов он был, схватив ружье,
С народной властью насмерть биться.

Но люди не пошли за ним:
Ничто б их вспять не повернуло!
И навсегда он стал чужим
Для гор, для своего аула.

А вскоре прочь он прогнан был,—
Ждала ль судьба его иная?
И навсегда о нем забыл
Родной аул — земля родная.

Решили люди: «Мы одной
Семьею дружной жить желаем!»

А тут как раз из «Окружной»
Салих приехал с Николаем¹.

Совет был ими людям дан:
Быстрее во всем забыть о старом.
Вот хорошо бы Жулдузхан
Аульским выбрать комиссаром...

Был кто-то этим удивлен:
Мужчины женщине подвластны?..
Но в основном со всех сторон
Кричали: «Правильно! Согласны!»

И смело Жулдузхан пошла
Путем неведомым и дерзким,
Как будто только начала
Жить с жадным любопытством детским.

Вступила в партию одной
Из первых — всех труднее первым,
И на земле своей родной
Была всем женщинам примером.

Ничуть ей прошлого не жаль,
Ничто в минувшем ей не мило!
На красную косынку шаль
Спокойно черную сменила.

Горда судьбой своей, трудом,
Всегда с народом, на народе,
Желанной гостьей в каждый дом
Аульский комиссар приходит.

¹ Салих Кумуков и Николай Виноградов — руководители Балкарского окружкома партии в 30-х годах.

То в сельсовете за столом —
В делах советчиком хорошим,
А если надо — и верхом
По дальним настбицам и кошам.

Дела просты и непросты,
Но каждое — ее отрада:
Налоги, горные мосты...
Все делает Жулдуз, как надо.

Там, далеко, где до сих пор
Лишь, быстроноги, крутороги,
Бродили туры, в недрах гор
Легли надежные дороги.

Но, строить людям приказав,
Чуть поджимать их станут сроки,
Жулдуз сама, лопату взяв,
С утра до вечера на стройке.

А жизнь летит, полна чудес,
Светло, задорно, небывало!
Жулдуз окончила ликбез,
По-русски знает слов немало...

И новый интерес возник:
Открытий новых сердце просит!
Из магазина много книг
Теперь Жулдуз домой приносит.

Ждет столько счастья впереди!
А если трудности случались,
Ни разу с просьбой к Кубади
Уста Жулдуз не обращались.

Не позабыла, кто обрек
Ее на стыд и на лишения...

И уж теперь совсем не мог
Ждать от Жулдуз он униженья.

Теперь-то всем она нужна,
И даже сваты рвут на части.
«Вот это — человек, жена!
А дети?.. Дети — только счастье!»

И зажила почти в раю
Жулдуз — впрямь юность ей вернули! —
Связав с Ньюйором жизнь свою, —
Он был учителем в ауле.

Он дал покой и счастье ей,
Не то что старый злобный деспот.
Он стал отцом для дочерей,
Забот отца лишенным с детства.

Он с ними ласков был всегда,
Как со своими обращался,
И без подарков никогда
Домой Ньюйор не возвращался.

Отзывчив, никогда не хмур,
В игре, и умной и веселой,
Учил их грамоте Ньюйор
И равно подружил со школой.

Не проклинал семейных уз —
Наоборот, семьей гордился...
А вскоре у него с Жулдуз
И долгожданный сын родился.

Все дни Жулдуз так хороши,
И отзвук прошлого — все глуше...
Друзья Ньюйору от души
В честь сына натрепали уши!¹

¹ Национальный обычай.

Желали:— Пусть растет батыр,
Талантом и умом отмечен,
Пусть удивит собою мир,
Как дуб, могуч и долговечен!

И только старый Кубади,
Как зверь затравленный, метался.
Он пламя зависти в груди
Напрасно погасить пытался.

Чередованьем дня и тьмы
Нам остаются, в назиданье,
Как от растаявшей зимы,
От прошлого — воспоминанья.

Так молодость Жулдуз прошла,
Но ей ушедших лет не жалко:
Бессмертны все ее дела,
Как комиссарская кожанка.

Грустить не стоит о былом,
Глотая старости отраву,—
Когда горянки с каждым днем
Ее преумножают славу.

Немало тружениц у нас,
Судьбой на Жулдузхан похожих.
И именно от них рассказ
В главе последней мы продолжим.

6. ДОЧЕРИ ЖУЛДУЗХАН

Были кручи, были тучи,
И туман, и ураган...
Сколько раз звездой падучей
Угасала Жулдузхан?

Может лишь один садовник
Знать, каким он будет, сад.
Вот среди побегов новых
Гордость сада — Хафисат.

Учит ребятишек в школе,
С ними азбуку твердит...
Муж ее — бригадой в поле —
Лучшею! — руководит.

Проклял Хафисат когда-то —
Разве дочь продолжит род? —
А теперь, седой, горбатый,
Кубади себя клянет.

Все, что у него осталось,
А богатству — грош цена,
Одиночество и старость,
Да горбатая спина.

А Жулдуз душой в расцвете,
Не в чем ей себя винить:
Вышли в люди ее дети,
Вот теперь-то — жить да жить.

Будто путь ее лишь начат,
Как у юных дочерей...
Рано стариться — помянчить
Надо внуков, — да скорей!

Проросло недаром семя
В дочерях, в успехах их:
Дочка средняя на ферме
Успевает за тронх.

И для младшей слов не хватит
Ни соседям, ни стихам:

В белом докторском халате
Всяк узнает Майрусхан.

Ледники в горах сияют,
Только лишь взойдет луна.
Среди звезд, что ночь рождает,
Выделяется одна.

Так среди девушек в селенье —
Скромный взгляд и стройный стан —
Самой лучшей без сомненья
Все считают Майрусхан.

Излучающая нежность,
Вам запомнится она.
Но не только эта внешность
Нашей Майрусхан дана.

Закалились ее руки,
Став преградой для хвороб.
Превратился в храм науки
Маленький девичий лоб.

Да, не зря с друзьями вместе
Дочерьми Жулдуз горда.
Вырастила нам созвездье
Эта горская звезда!

Ею день счастливый создан,
Хоть был путь к нему непрост...
Пусть же ярче светят звезды
На груди у наших звезд!

Стихи

Родной язык. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	3
Недописанный стих. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	4
«Мы целый день врага крушили...» <i>Перевод Р. Казаковой</i>	5
Победа. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	5
Подарки. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	6
Соп. <i>Перевод Л. Беловой</i>	8
Под цветущими каштанами. <i>Перевод Р. Романовой</i>	8
Река и родник. <i>Перевод В. Цыбина</i>	10
Старое дерево. <i>Перевод Р. Романовой</i>	10
И вновь — весна. <i>Перевод Р. Романовой</i>	12
Турь. <i>Перевод Р. Романовой</i>	14
Два дерева. <i>Перевод Л. Сушковой</i>	15
«И поскользнулся на узкой тропинке...» <i>Перевод Л. Сушковой</i>	17
Пожелания. (Баллада). <i>Перевод Л. Беловой</i>	17
Аслижан. <i>Перевод Л. Беловой</i>	19
Ты помнишь? <i>Перевод В. Цыбина</i>	24
Влюбленные наскоро. <i>Перевод В. Цыбина</i>	25
Газели. <i>Перевод В. Цыбина</i>	26
Красивая женщина. <i>Перевод В. Цыбина</i>	37
Выбирающему девушку. <i>Перевод В. Цыбина</i>	38
Спошенька. <i>Перевод В. Цыбина</i>	40
Белая голубка. <i>Перевод Р. Романовой</i>	40
«С каждой смертью на земле...» <i>Перевод В. Цыбина</i>	41
Вечный огонь. <i>Перевод В. Цыбина</i>	42
Заботы ветеранов. <i>Перевод В. Цыбина</i>	42
Печальные клены. <i>Перевод Р. Романовой</i>	43
Туман. <i>Перевод В. Цыбина</i>	45
Разговор с зимой. <i>Перевод Р. Романовой</i>	46

Темирказак. Перевод Л. Сушковой	47
«Рассвело, опять рассвело...» Перевод Р. Казаковой	49
«Бьется ветер в кустах...» Перевод Р. Казаковой	49
Море. Перевод Р. Казаковой	50
Голос природы. Перевод Р. Казаковой	50
Хлеб и песни. Перевод Р. Казаковой	52
Дождь. Перевод Р. Казаковой	52
Тихая страна. Перевод Р. Казаковой	53

Поэма

Жулдузхан. Перевод Р. Казаковой	55
---	----

Берт Измайлович Гуртуев

МОЯ ПЕСНЯ

Редактор **Е. Н. Имбовиц**
Художественный редактор **Л. Е. Безрученков**
Технические редакторы **В. А. Преображенская,**
Г. П. Мартянова
Корректор **С. В. Мироновская**

ИБ № 4923

Сдано в набор 03.12.86. Подп. в печать 18.03.87. Формат 70×90/32. Бумага мелованная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,93. Усл. кр.-отт. 3,08. Уч.-изд. л. 3,2. Тираж 4.000 экз. Заказ № 746. Цена 45 к. Изд. инд. ЛНП—29.

Ордена „Знак Почета“ издательство „Советская Россия“ Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Сортавальская книжная типография Государственного комитета КАССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 186750, Сортавала, ул. Карельская, 42.